

В. И. Ламанский

Живая старина

Выпуск 1. Год 2. Издание 1897 года

УДК 304
ББК 60.5
Л21

Л21 **Ламанский В.И.**
Живая старина: Выпуск 1. Год 2. Издание 1897 года / В. И. Ламанский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 159 с.

ISBN 978-5-4241-6578-8

ISBN 978-5-4241-6578-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОТДѢЛЪ I.

Очеркъ русской діалектологіи.

В в е д е н і е.

Русская діалектологія имѣеть много правъ на вниманіе.

1) Каждый изъ насъ, какъ Русскій, обязанъ обладать хотя бы самыми общими свѣдѣніями о томъ, что такое русскій языкъ, какъ говорить подъ Новгородомъ, подъ Тулою, около Вильны, Полтавы.

2) Занимающіеся исторією русскаго языка имѣють особенную потребность въ знакомствѣ съ діалектологією. Интересуются ли они исторією звуковъ и формъ, или слѣдятъ за судьбами синтаксическихъ явленій, словарнаго матеріала. Все равно, — они могутъ найти въ современныхъ русскихъ говорахъ то, что давно исчезло изъ языка образованнаго общества, и такимъ образомъ получить ясное представленіе о прошломъ нашего языка. Напримѣръ, мы не имѣемъ теперь въ своемъ говорѣ мягкаго *ѣ*, которое въ немъ какъ показывается памятники, когда существовало: обратившись къ говорамъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ мы встрѣчаемся съ этимъ *ѣ* и такимъ образомъ составляемъ себѣ понятіе о качествѣ древняго звука.

3) Тѣ, которые изучаютъ древніе памятники нашей письменности (какъ литературные, такъ и историческіе, юридическіе), чрезъ изученіе діалектологіи получаютъ средства къ пониманію текста памятниковъ. Значительное число словъ, прежде употребленныхъ во всемъ русскомъ языкѣ и нынѣшній обрѣтъ въ памятникахъ, теперь у насъ, въ нашихъ говорахъ, не имѣется, и потому въ употребленіи въ другихъ говорахъ. Такимъ образомъ знакомство съ говорами даетъ намъ возможность опредѣлить значеніе этихъ словъ. Напримѣръ, въ Русской Правдѣ мы находимъ слово *олекъ*: «аже бѣши олекъ, то 3 гривне продаже, а за медь—ока бѣше бѣши во олекѣ, то 10 гривнъ, бѣше ли олекъ, то 5 гривнъ». Историкъ I и II вѣка не могъ объяснить намъ это слово. Въ нашихъ олекъ—ока бѣше олекъ. Слѣдственно, Русская Правда представляетъ уже полную картину олекъ.

занному, «не лаженному»,—улей съ небольшимъ количествомъ меда, оставленнымъ для пчелъ на зиму. Или, въ Словѣ Данила Заточника мы читаемъ: «дивья за буюномъ кони паствити, а за добрымъ княземъ воевати». Слово б у я н ѣ въ говорахъ значить: гора, холмъ. И такъ, фразу Слова мы можемъ перевести: хорошо за горою коней пасты (т. е. въ укромномъ, прикрытомъ отъ вѣтра мѣстѣ). Конечно, не всѣ слова нашихъ памятниковъ сохраняются въ говорахъ; такъ, слово т ы л ѣ с н ѣ Русской Правды пока еще ни въ одномъ говорѣ не нашлось. Но за то и значеніе этихъ словъ остается неизвѣстнымъ; оно и останется неизвѣстнымъ, если лучшая разработка діалектологіи не дастъ ключа къ ихъ пониманію.

4) Діалектологія имѣетъ нѣкоторое значеніе, какъ вспомогательная наука, при изученіи исторіи. Историкъ безпрестанно сталкивается съ такими вопросами, на которые нѣтъ отвѣтовъ въ лѣтописяхъ и документахъ, но которые могутъ быть разрѣшены современными говорами. Напримѣръ, существуетъ вопросъ о населеніи верхняго Поволжья, нынѣшней Ярославской и Костромской губерній, каково оно происхожденія, откуда пришло и къ какому большому городу первоначально тянуло. Обыкновенно отвѣчаютъ на этотъ вопросъ такъ, что-де Поволжье было заселено выходцами изъ новгородской области и первоначально должно было тянуть къ Новгороду. Но большая часть говоровъ названныхъ губерній довольно ясно отличается отъ говоровъ древней новгородской земли и новгородскихъ колоній (въ нихъ нѣтъ мѣны *ц* и *ч*); напротивъ того, они близки къ говорамъ средней Руси (Московской, Тульской и друг. губерній). Слѣдовательно, вопросъ о происхожденіи поволжскаго населенія долженъ быть разрѣшенъ иначе: Поволжье заселилось съ юга и его жители никогда не тянули къ Новгороду, а составляли одну область съ Москвою, Муромомъ, Рязанью.

Мы не хотимъ приписывать знакомству съ діалектологіею какого-либо значенія для нашего литературнаго языка и не думаемъ, чтобы діалектической матеріалъ могъ пригодиться для обогащенія и вмѣстѣ сохраненія чистоты литературнаго языка. Нѣтъ сомнѣнія, вмѣсто того, чтобы заимствовать новыя слова изъ иностранныхъ языковъ,—было бы для насъ несравненно полезнѣе брать подходящія по значенію слова изъ своихъ діалектовъ. Но мы сомнѣваемся, чтобы такое пользованіе было часто возможно. Дѣло въ томъ, что то русское, чего нѣтъ въ нашемъ говорѣ и что есть въ сосѣднемъ, обыкновенно кажется намъ смѣшнымъ или даже достойнымъ насмѣшки. Мы не удерживаемся отъ улыбки, когда герой «Жениха изъ ножевой линіи» (Чернышева) говорить хотитѣ; намъ немножко смѣшно, когда герой «Бѣшеныхъ денегъ» употребляетъ слово ша б ё р ь. Что же касается до простаго народа, то онъ почти всегда насмѣхается надъ своимъ сосѣдомъ, имѣющимъ какія-

нибудь, хотя бы незначительныя особенности рѣчи, «дразнить», преслѣдуетъ его особыми поговорками съ этими особенностями (въ родѣ: курица на улицѣ яйцо снесла), даетъ ему насмѣшливыя прозвища (въ родѣ: язунъ, отъ формы родительнаго падежа *язо*=его, съ *з*, вмѣсто *язо*, съ *в*), вообще обнаруживаетъ къ діалектическому матеріалу полную нетерпимость.

Наша задача—указать главныя особенности русскихъ говоровъ въ звукахъ и формахъ, на основаніи почти исключительно печатнаго матеріала. Послѣдній такъ скуденъ и отрывоченъ ¹⁾, а часто и старъ, что нашъ очеркъ русской діалектологіи не имѣетъ притязанья на полноту ни въ какихъ отношеніяхъ. Мы убѣждены, что намъ не пришлось воспользоваться даже всеѣмъ тѣмъ, чѣмъ можно бы воспользоваться, но что зарыто въ разныхъ провинціальныхъ «памятныхъ книжкахъ», календаряхъ, газетахъ. Изданіе въ свѣтъ настоящаго очерка должно показать, какіе говоры до сихъ поръ остаются наукѣ неизвѣстными и для какихъ она владѣетъ данными неполными и невѣрными. Вслѣдствіе этого всякаго рода дополненія, поправки и т. п. со стороны свѣдущихъ лицъ будутъ принимаемы нами съ благодарностью ²⁾.

¹⁾ Мы до сихъ поръ еще не имѣли специалистовъ по русской діалектологіи. Ученые занимались ею въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ и при томъ наскоро, пробѣдомъ, ухватывая лишь случайно встрѣтившіяся черты. Этнографы обращали на говоры крайне мало вниманія, и мы имѣемъ рядъ хорошихъ сочиненій по этнографіи, гдѣ или нѣтъ никакихъ замѣчаній по діалектологіи, или помѣщены самыя ничтожныя. Помѣщики, священники, уѣздные учителя и т. п. народъ, если дѣлали наблюденія надъ говорами имъ отлечно знакомыми, то не могли—вслѣдствіе отсутствія какой-либо подготовки—дать сколько-нибудь полный и ясный отчетъ объ особенностяхъ этихъ говоровъ, а иногда даже изобразить ихъ звуки. Вообще мы имѣемъ чрезвычайно мало описаній говоровъ. Обыкновенно мы должны извлекать данныя изъ пѣсенъ, сказокъ и т. п. сыраго матеріала и безпрестанно подвергаться опасности увидѣть діалектическую особенность въ простой опискѣ или опечаткѣ.

Мы можемъ назвать лишь одинъ трудъ посвященный вообще русской діалектологіи. Это—статья проф. П о т е б н и въ «Филологическихъ Запискахъ» 1865 года: «О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій», вышедшая въ свѣтъ 25 лѣтъ назадъ и основанная почти исключительно на печатномъ матеріалѣ. Другой трудъ, сходный съ этимъ по названію, статья Н а д е ж д и н а въ вѣнскихъ «Jahrbücher der Literatur» 1841 года: «Mundarten der russischen Sprache», посвященъ не столько описанію, сколько изслѣдованію о происхожденіи русскихъ нарѣчій. Сверхъ того, въ «Исторической Христоматіи» Б у с л о в а 1861 г. и въ «Сборникѣ древне-русскихъ памятниковъ и образцовъ народной русской рѣчи» проф. С м и р н о в а 1882 г. приведены образцы разныхъ русскихъ говоровъ, взятыя главнымъ образомъ изъ печатныхъ источниковъ. Наибольшее количество матеріаловъ по русской діалектологіи найдено (безо всякой системы) въ изданіяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, особенно въ «Этнографическомъ Сборникѣ»; далѣе, эти матеріалы разсыпаны въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ», разныхъ годовъ.

Ни грамматики, ни словаря всего русскаго языка у насъ нѣтъ.

²⁾ Редакціи «Живыхъ Старинъ» съ величайшею охотою дасть мѣсто всеѣмъ такимъ дополненіямъ я поправляямъ.

I. Великорусское нарѣчіе.

Мы не будемъ говорить о границахъ великорусскаго нарѣчія съ языками инородцевъ въ европейской Россіи, въ Сибири и на Кавказѣ. Ихъ можно видѣть на этнографической картѣ русскаго государства. Мы скажемъ лишь вкратцѣ о границахъ великорусскаго нарѣчія съ нарѣчіями бѣлорусскимъ и малорусскимъ, какъ они опредѣляются имѣющимися у насъ скудными данными ¹⁾.

Великорусское нарѣчіе граничитъ съ бѣлорусскимъ на сѣверо-западѣ приблизительно по чертѣ губерній Псковской и Новгородской. Такимъ образомъ бѣлорусское нарѣчіе начинается ниже Опочки, Псковской губ., ниже Торопца и Великихъ Лукъ, Новгородской губ., причѣмъ Себежъ, Полоцкъ и Суражъ находятся уже въ области бѣлорусскаго нарѣчія ²⁾. Далѣе граница великорусскаго и бѣлорусскаго нарѣчій идетъ внутри губерній Тверской и Смоленской. Ржевскій и Зубцовскій уѣзды съ частью Осташковскаго (сѣверо-западная и западная части Тверской губ. ³⁾) принадлежатъ бѣлорусскому нарѣчію; западная половина Смоленской губ. говоритъ или бѣлорусскимъ нарѣчіемъ, или говорами скорѣе бѣлорусскими, чѣмъ великорусскими, а восточная—Вяземскій, Гжатскій, Сычовскій и Юхновскій уѣзды вмѣстѣ съ восточною и сѣвernoю окраинами Бѣльскаго—по великорусски ⁴⁾. Далѣе граница идетъ приблизительно по границѣ Могилевской губ. и по сѣверо-восточной окраинѣ Черниговской.

Пограничная черта великорусскаго нарѣчія съ малорусскимъ опредѣляется

¹⁾ Точное опредѣленіе границъ между двумя нарѣчіями часто невозможно, по причинѣ существованія такихъ переходныхъ и смѣшанныхъ говоровъ, которыя могутъ быть съ равнымъ основаніемъ причислены и къ одному, и къ другому нарѣчію. Сверхъ того, во многихъ губерніяхъ, занятыхъ Русскими въ XVIII—XIX вв., тамъ, гдѣ нарѣчія сию но перемѣшались между собою, ихъ территоріи въ полномъ смыслѣ слова черзополосны.

²⁾ «Жители Невельскаго и Велижскаго уѣздовъ говорятъ правильнымъ великорусскимъ нарѣчіемъ. У тѣхъ, которые имѣютъ сношенія съ Новгородскою губ., слышно въ произношеніи о сѣверныхъ губерній; а ходящіе въ С.-Петербургъ для заработковъ говорятъ правильнымъ русскимъ языкомъ». (Этнографич. Сборн., II, 113, 1854 г.)—«Оканье начинается въ сѣверныхъ уѣздахъ Смоленской губ.» (Добровольскій, Смоленскій Этнографич. Сборникъ, I, 13).

³⁾ Крестьяне той части Осташковскаго уѣзда, которая прилегаетъ къ Псковской и Смоленской губ., «отдѣлены будучи самою природою отъ другихъ жителей какъ своего, такъ и смежныхъ уѣздовъ, различаются отъ послѣднихъ нравомъ и образомъ жизни, въ особенности же нарѣчіемъ языка, которымъ они близки къ Бѣлорусцамъ» (Иос. Бѣловъ, Путевыя замѣтки и впечатлѣнія по Московской и Тверской губ., стр. 63. М. 1852).

⁴⁾ «Рославльскій уѣздъ составляетъ часть Смоленской губ., населенную жителями бѣлорусскаго племени. Крестьянинъ Рославльскаго уѣзда рѣзко отличается отъ крестьянъ восточной части губерній въ образѣ жизни, домашней утвари, пищѣ, одеждѣ, однимъ словомъ—во всемъ, что касается народнаго характера, домашняго быта и хозяйства» (Пам. книжка Смол. губ. на 1858 г., стр. 126). Точно также Матеріалы для географіи и статистики Россіи (Смол. губ.) относятъ Рославльскій и Смоленскій уѣзды безъ всякихъ оговорокъ къ числу бѣлорусскихъ (стр. 125).

съ трудомъ. Восточная окраина Черниговской губ., пограничная съ Орловской губ. ¹⁾, съ ея смѣшанными говорами, и почти вся Курская губ. (кромѣ южной окраины), ²⁾ принадлежатъ великорусскому нарѣчію. Половина Воронежской губ. ³⁾ и большая часть Земли Войска Донскаго ⁴⁾—также. Въ восточной части Харьковской губ. есть чисто великорусскія поселенія. Русскіе жители восточной части сѣвернаго Кавказа—переселенные съ Волги и Дона терскіе казаки—говорятъ по-великорусски, а ихъ сосѣди на западѣ—Кубанцы, потомки Запорожцевъ—по-малорусски; впрочемъ, въ Терской области есть нѣкоторое число малорусскихъ, а въ Кубанской—великорусскихъ поселеній. Въ Новороссіи великорусское нарѣчіе находится, въ сравненіи съ малорусскимъ, у значительнаго меньшинства населенія. Сверхъ того, съ одной стороны болѣе или менѣе крупныя колоніи съ малорусскимъ населеніемъ и нарѣчіемъ находятся въ великорусскихъ приволжскихъ губ. (особенно въ Саратовской, Самарской и Астраханской), а остатки другихъ, меньшихъ по численности колоній, можетъ быть,

¹⁾ «На сколько говоръ черниговскій, распространенный въ особенности въ сѣв. части уѣзда Черниговскаго, въ уѣздахъ Городненскомъ, Суражскомъ, Повозыбковскомъ, Мглинскомъ и зап. части Новгородсѣверскаго, составляетъ переходъ изъ малорусскаго нарѣчія къ бѣлорусскому, на столько сѣверскій, распространенный въ вост. половинѣ Новгородсѣверскаго, сѣв. части Глуховскаго уѣзда Черниговской губ., въ юго-вост. углу Трубчевскаго и въ зап. части Сѣвскаго уѣзда Орловской губ., составляетъ переходъ къ нарѣчію великорусскому». Р. Ф и л о л. В. 1884 г., № 1, стр. 118.

²⁾ Около $\frac{1}{10}$ населенія. Обоянскаго уѣзда Курской губ.—Малоруссы переселенцы (Г т и о г р. С б., V, ст. «Быть крестьянъ Курск. губ.», стр. 1).

³⁾ «Малорусское населеніе составляетъ едва ли не половину всѣхъ жителей Воронежской губ. Два самые большіе уѣзда оной—Острогожскій и Богучарскій, за исключеніемъ въ каждомъ двухъ-трехъ селъ великорусскихъ, населены Малоруссами. Бирюченскій и Валуйскій населены ими въ большей степени; въ Павловскомъ 12 слободъ малорусскихъ, кромѣ хуторовъ, и по нѣскольку слободъ въ уѣздахъ Бобровскомъ и Новохоперскомъ. Только въ сѣверныхъ уѣздахъ—Задонскомъ, Землянскомъ, Нижнедѣвицкомъ и Воронежскомъ—Малоруссовъ нѣтъ» (Па м. книжка Воронежск. губ. на 1870—71 г., стр. 247).—Въ Валуйскомъ уѣздѣ «жители состоятъ изъ Русскихъ и Малороссіянъ, почти на половинну и тѣхъ, и другихъ» (Статистическіе очерки Воронежской губ., кн. I, стр. 15, 1850 г.).

⁴⁾ «Жители сѣверныхъ частей (Земли В. Д.)—до Хопра и Медвѣдицы—настоящіе Великоруссы». «Жители среднихъ частей Дона болѣе сходны съ Великоруссами, чѣмъ низовые». «Населеніе нижней части—потомки древнѣйшихъ казаковъ, которые поселились по низовьямъ Дона; они—Великоруссы, но принимали къ себѣ людей всѣхъ націй; отъ этого низовое населеніе какъ въ наружности, такъ въ нравахъ и обычаяхъ имѣетъ особенный, почти самостоятельный характеръ». «Малоруссы издавна приходили на Донъ; особенно много ихъ въ нижней части Донской земли». «Когда былъ воспрещенъ переходъ на Донъ, войсковые чины стали записывать за собою приходившихъ сюда большими обществами Малоруссовъ и заселяли ими округи Міусскій и Донецкій». «Нѣкоторые Малоруссы получили права казаковъ и составили нѣсколько станицъ за Дономъ, близъ Кавказской дороги» (Матеріалы для хозяйственной статистики Россіи, издаваемые Импер. Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ. Кн. I, Спб. 1853, стр. 23—27).—«Донцы-низовцы, купно съ доносцами,.... отъ Россіи Малыя» (Чтенія Общ. ист. и др о в н. 1863 г., кн. 3, ст. «Историч. свѣдѣніе о Верхней Курмойрской станицѣ», стр. 4).

еще существуютъ въ губ. Нижегородской ¹⁾ и Вологодской; съ другой стороны — великорусское нарѣчіе слышится въ малорусскихъ губерніяхъ и во всемъ рускомъ государствѣ у образованныхъ Русскихъ, по преимуществу по городамъ.

Казалось бы, на огромной территоріи великорусскаго нарѣчія должно было бы быть очень много говоровъ; но, вѣроятно, благодаря отчасти почти исключительно равнинному характеру этой территоріи, допускающему самое широкое общеніе для ея населенія, отчасти значительной консервативности великорусскаго нарѣчія, — мы видимъ лишь ограниченное количество рѣзко опредѣленныхъ діалектическихъ разновидностей ²⁾.

Великорусское нарѣчіе ясно дѣлится на два поднарѣчія, сѣверное и южное, окающее и акающее, граница между которыми идетъ сначала по Тверской губ. (здѣсь въ Старицкомъ уѣздѣ акаютъ), потомъ по Московской (здѣсь, приблизительно въ 60 верстахъ къ сѣверу, въ Дмитровскомъ уѣздѣ, и къ востоку, по направленію къ Покрову, говорятъ уже на о); Владимирская губ. почти вся (кромѣ части Меленковскаго уѣзда) принадлежитъ окающему поднарѣчію; затѣмъ граница идетъ по Нижегородской, Казанской и Симбирской губ. такимъ образомъ, что въ Арзамасскомъ уѣздѣ Нижегородской губ. отчасти окаютъ, въ Ардатовскомъ, Сергачскомъ и Лукояновскомъ той же губ. — акаютъ, въ Буинскомъ и Симбирскомъ уѣздахъ и въ сѣверной части Курмышскаго уѣзда Симбирской губ., къ сѣверу отъ р. Пьяны, по преимуществу окаютъ, въ южной части Курмышскаго уѣзда акаютъ, въ Лаишевскомъ и Чистопольскомъ уѣздахъ Казанской губ., за Волгою, акаютъ ³⁾.

¹⁾ Въ Лукояновскомъ уѣздѣ Нижегород. губ., въ бывшихъ имѣніяхъ гр. Раузовскаго — около 2000 человекъ Малоруссовъ, почти совсѣмъ уже обрусѣвшихъ» (Нижегородск. Сборн., II, 20).

²⁾ Это — одна изъ причинъ слабой разработки великорусскихъ говоровъ, особенно южныхъ, которые мало отличаются отъ языка образованнаго общества и потому для изслѣдователя мало интересны. Всѣ наши печатныя свѣдѣнія о великорусскихъ говорахъ вообще ограничиваются статью Д а л я при I томѣ его «Толковаго Словаря» (которую надо пользоваться съ очень большою осторожностью), да книгою К о л о с о в а: «Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка», Варшава, 1878. Къ сожалѣнію, послѣдняя, посвященная всему великорусскому нарѣчію, имѣетъ такое расположеніе матеріала, что по ней трудно составить себѣ понятіе объ особенностяхъ того или другаго великорусскаго говора.

Грамматики великорусскаго нарѣчія у насъ нѣтъ, но словарныя данныя этого нарѣчія собраны въ довольно значительномъ количествѣ. Первое мѣсто занимаетъ великолѣпный 4-хъ томный «Толковый Словарь живаго великорусскаго языка» Д а л я (2-ое изд. Сиб. 1880); за нимъ можетъ быть поставленъ «Опытъ областного великорусскаго словаря», Сиб. 1852, съ «Дополненіемъ» къ нему, изданный Академіею Наукъ.

³⁾ Должно замѣтить, что опредѣлять точно границу поднарѣчій окающаго и акающаго въ среднемъ Поволжѣ едва ли возможно, въ виду того, что здѣсь много смѣшанныхъ говоровъ, соединяющихъ въ себѣ особенности обонхъ поднарѣчій. Замѣтимъ, что городское населеніе Саратова въ 40-хъ годахъ окало (С а р а т. Г у б. В ѣ д. 1845 г. № 31—32).

Приуралье и Сибирь принадлежат окающему поднарѣчію, за исключеніемъ небольшихъ клочковъ, занятыхъ переселенцами изъ средней Руси; впрочемъ, теперь число этихъ клочковъ, вслѣдствіе происходящихъ значительныхъ переселеній, должно увеличиться. Сверхъ того, окающее поднарѣчіе раздается въ Цсковской губ., кромѣ сѣверной и сѣверо-восточной ея частей (Порховскаго уѣзда).

Слѣдуетъ замѣтить, что окающее поднарѣчіе понемногу вытѣсняетъ окающее, по преимуществу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ отхожіе промыслы,—особенно въ Костромской губ. Мѣстные крестьяне съ дѣтства проводятъ по многу лѣтъ въ Москвѣ и Петербургѣ и здѣсь усваиваютъ особенности окающаго поднарѣчія; послѣднія отъ нихъ переходятъ къ мѣстному осѣдлому населенію. Такимъ образомъ цѣлый рядъ деревень и селъ Костромской губ. теперь уже не принадлежатъ окающему поднарѣчію. Такая же замѣна одного поднарѣчія другимъ начинается замѣчаться въ значительныхъ размѣрахъ въ Владимирской губ., среди мѣстныхъ плотниковъ и каменщиковъ.

А. Южно-великорусское, или анающее поднарѣчіе.

Передъ нами тотъ говоръ, который употребляемъ мы сами, который слышится у всѣхъ сколько-нибудь образованныхъ людей во всей Россіи и который можетъ быть названъ литературнымъ, или обще-русскимъ языкомъ. Центръ и родина его—Москва; здѣсь у мѣстныхъ уроженцевъ онъ является въ наибольшей чистотѣ; въ другихъ городахъ къ нему иногда примѣшиваются мѣстные черты (изъ ближайшихъ говоровъ); такъ, въ Кіевѣ у образованныхъ людей мѣстнаго происхожденія и воспитанія можно слышать *h* вмѣсто *g*: *hалка*, *hорохъ*, и неслоговое *ŷ* вмѣсто *v* и *л*: *любоŷ*, *даŷ*, *пиŷ*; въ западно-русскихъ городахъ у мѣстной интеллигенціи замѣчается то особенно сильная мягкость согласныхъ, свойственная польскому языку, то полная или значительная твердость *p* въ словахъ въ родѣ *бура* (= *буря*).

Обще-русскій языкъ въ его чистомъ видѣ будетъ для насъ исходнымъ пунктомъ при характеристикѣ говоровъ: мы будемъ характеризовать эти послѣдніе, сопоставляя ихъ особенности съ особенностями своего собственнаго языка. Поэтому мы прежде всего остановимся на звукахъ своего языка.

Гласные ударяемые. Ударяемое *a* обще-русскаго языка—звукъ открытый, то болѣе широкій (*братъ*, *пятка*), то болѣе узкій (*ратъ*, *пятъ*), всегда вполнѣ отличный отъ ударяемаго *o*; этотъ звукъ слышится на мѣстѣ каждаго древняго (=ореографическаго) *a*, *я*.

Ударяемое *e*—звукъ мягкій, почти всегда смягчающій предъидущіе согласные, то болѣе открытый (*этотъ*, *шесть*), то менѣе, съ приближеніемъ къ

и (плеть, лечь), но вполне отличный отъ *и*; этотъ звукъ слышится на мѣстѣ какъ древняго (=ореографическаго) *e*, такъ и древняго *ъ*.

Ударяемое *о* звучитъ открыто, ближе къ *a*, чѣмъ къ *y*; оно слышится на мѣстѣ древняго (=ореографическаго) *e* постоянно въ концѣ словъ (плечѣ, ещѣ, твоѣ) и очень часто въ серединѣ словъ, передъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ (вѣль, расплѣтывать, грѣбенка ¹⁾).

Ударяемая *и* и *ы* вполне ясно отличаются другъ отъ друга; они находятся на мѣстѣ древнихъ *и* и *ы*.

Гласные неударяемыя. Изъ нихъ на мѣстѣ древнихъ (=ореографическихъ) неударяемыхъ *a* и *o* слышится: 1) въ концѣ словъ и въ серединѣ словъ послѣ искони твердыхъ согласныхъ (не *j*, не *ц* и не шипящихъ) и передъ удареніемъ—*a*, нѣсколько закрытое, приближающееся къ *o*: слова, масла (=слово—слова, масло—масла, имен. и род. ед.), питаѣкъ, ны дварѣ, чиставѣль, зыхатѣль (=пятачокъ, на дворѣ, частоколь, захотѣль); 2) въ серединѣ словъ послѣ *j*, мягкихъ согласныхъ, шипящихъ и *ц* какъ непосредственно передъ удареніемъ, такъ и послѣ ударенія—*и* или (послѣ *ж*, *и*, *ц*) глухой близкій къ *ы*: *ж*иснѣть, *п*итѣкъ, *ч*исы, *ж*ылѣть, *ш*ыгѣ (=яснѣть, *п*лятокъ, *ч*асы, *ж*алѣть, *ш*аги), *в*ыиснить, *ск*ышала (=выяснѣть, *ск*ушала); 3) въ серединѣ словъ во второмъ слогѣ передъ удареніемъ, если передъ ними *j*, мягкій согласный или *ч*, *ц*,—то *и*: *ж*иравѣй, *п*итаѣкъ, *ч*исавѣй (=яровой, *п*ятачокъ, *ч*асовой), если же передъ ними твердый согласный, *ж*, *и*, *ц*,—то глухой близкій къ *ы*: *з*ыхатѣль, *сы*ракѣвка, *шы*павѣль (=захотѣль, *с*роковка, *ш*аповаль).

Неударяемый гласный на мѣстѣ древняго (=ореографическаго) *e*, *ъ* всегда, кроме конца словъ, звучитъ какъ *и*: *п*ирхѣтъ, *п*ирѣ, *в*изѣ, *ж*ивѣ (=переходъ, *п*еро, *в*езу, *е*го); въ концѣ же словъ онъ звучитъ: 1) какъ *и* (въ формахъ дат. и мѣстн. ед., 2-го л. мн. повелит. н.): на бѣриги, на вѣзи, бирѣти (=на берегъ, на возъ, берите), и 2) какъ открытое *e*, или какъ *a* съ предъидущимъ мягкимъ согласнымъ: *п*ѣле, *м*ѣре, или *п*ѣля, *м*ѣря (=поле, море; часто мы произносимъ имен. поле и род. поля тождественно).

Неударяемый гласный на мѣстѣ древняго (=ореографическаго) *ы* звучитъ какъ глухой близкій къ ударяемому *ы*, но не тождественный съ нимъ, такъ что есть разница между гласными въ *ды*рѣ и *ды*рка, *сы*нокъ и *сын*ъ.

Неударяемое *и* по качеству звука ничѣмъ не отличается отъ ударяемаго; неударяемое *у* не приближается къ *в* и всегда составляетъ слогъ.

Опущеніе неударяемыхъ гласныхъ очень рѣдко: исподволь, рядомъ съ исподволь.

¹⁾ Подробнѣе см. въ нашихъ «Лекціяхъ по исторіи русскаго языка».

Изъ согласныхъ, губныя *б, в, п, ф, м* могутъ быть и твердыми, и мягкими; послѣднія слышатся въ *бить, вязнуть, плать, сынъ, червь, сѣмь*. При этомъ *в* никогда не приближается къ *у*.

Гортанный *г* произносится передъ гласными, какъ латинское *g*, за исключеніемъ нѣсколькихъ словъ, гдѣ обыкновенно слышится *h* (*господь, государь, бога, благословить*).

Гортанное *к* передъ *а* и *у*, гдѣ было въ древности твердо, остается твердымъ: *бабушка, бабушку*.

Зубныя *д* и *т*, будучи мягкими, сохраняютъ древнее качество своихъ звуковъ: *дядя, тѣтка*.

Группа *щ* звучитъ какъ двойное *ш*: *шюка* (= *щюка*).

Шипящія *ж* и *ш* и свистящее *щ* постоянно произносятся твердо, коль скоро они не повторяются: *жэчь, жокъ, шоль, щэпъ* (= *жечь, жегъ, шель, щпъ*);

Шипящія *ж* и *ш* при удвоеніи сохраняютъ древнее мягкое произношеніе: *вижжю, возжи, шшюка, шшядить* (= *визжу, возжи, щюка, щадить*). Но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ двойное *ж* или *ш* образовалось черезъ соединеніе конечнаго согласнаго предлога-префикса съ начальнымъ согласнымъ имени или глагола, эти *ж, ш* звучатъ твердо: *жжэчь, шшять* (= *сжечь, смять*).

Шипящее *ч* не смѣшивается съ *щ* и всегда вполне ясно отличается отъ *щ*.

Плавное *р* можетъ быть и твердымъ, и мягкимъ: *буракъ, буря*; древнее плавное *л* всегда сохраняется и не переходитъ въ *в* или *у*: *паль*.

Древніе (=ореографическіе) звонкіе (=звучные) согласные *б, в, г, д, ж, з*, твердые и мягкіе, въ концѣ словъ звучатъ какъ соответствующіе глухіе (=отзвучные) *п, ф, к (х), т, ш, с*, твердые и мягкіе: *богъ, обувъ, друкъ, богъ, деть, ношь, вощь* (= *бобъ, обувъ, другъ, богъ, дѣдъ, ножъ, возъ*).

Точно также произносятся древніе звонкіе согласные передъ глухими согласными: *банка, лабка, вырабство, сасетка, рошки, привѣска* (= *бабка* и т. д.).

Нѣкоторые древніе (=ореографическіе) согласные постоянно опускаются нами при стеченіи согласныхъ, какъ въ серединѣ, такъ и въ концѣ словъ. Это — всего чаще — *д, т, с, з, л*: *если, паеска, пбишь, хитрысь, весь, јираслабъ* (= *естля, поѣздка, поѣздъ, хитрость, вѣсть, Јрославль*).

Между формами нашего говора мы должны отмѣтить:

Формы имен.-вин. ед., родит. мн. и 2-го л. ед. повелит. накл. на *ѣй* и *оіи*: *сеи*; агнѣи, гастѣи, дычирѣи, канѣи; *бей, пей*; слпной, бальшой, мой (отъ мыть), крои (а также ф. 2-го л. мн. повел. н.: *бѣйти, мойти*, и наст. врем. *мою, врюю* и т. д.).